

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации ЛУ БО
"РУССКИЕ ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ
КОНСТРУКЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ",
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Естественный язык описывает действительность, располагая для обозначения её реалий чрезвычайно богатым арсеналом лексических и грамматических средств. Однако делает это язык не независимо от человека, а ориентируясь на его физические, интеллектуальные и психологические ресурсы. Вербальное осознание и репрезентация мира, то есть то, что сегодня обычно называют языковой концептуализацией мира, многообразные связи действительности, человека и языка не только раскрывают сущность языка, но и определяют способы его восприятия человеком, включая квалификацию языковых единиц и их оценку. Для нашей повседневной жизни восприятие и ощущение мира человеком и его отношение к нему, по-видимому, важнее, чем осознание мира как физической или онтологической данности. Для нас более существенно то, как мы сами воспринимаем людей, события, процессы и состояния, чем их реальные характеристики и признаки.

В реферируемой диссертации Лу БО как раз и исследуется одна из актуальных проблем, связанных с тем, как люди, говорящие на русском языке, выражают в коммуникативном акте разные намерения и эмоции по отношению к реальным явлениям и процессам, происходящим в окружающем их мире.

Объектом изучения в диссертации является класс экспрессивных синтаксических конструкций русского языка, выполняющих важные коммуникативные функции в разного рода речевых актах. В ходе анализа экспрессивных конструкций автор диссертации ставит перед собой общую цель описать языковые особенности таких конструкций, для чего решает

следующие конкретные задачи: (а) выявить скрытые смыслы и интенции говорящих, их отношение к описываемым событиям и к участвующим в этих событиях людям; (б) установить и описать разнообразные по своему характеру оценки, выраженные в изучаемых единицах так называемого «малого синтаксиса» (воспользуюсь здесь термином, введённым в серии синтаксических работ известного отечественного лингвиста Л.Л. Йомдина); (в) охарактеризовать функционально-семантическую и прагматическую специфику исследуемых конструкций. Попутно я бы добавил, в работе решается ещё одна задача, а именно (г) разобраться в понятийном и терминологическом хаосе, связанном с обилием разных названий, предлагавшихся в лингвистической литературе для изучаемых в диссертации единиц.

Именно с обсуждения понятийных и терминологических проблем открывается содержательный материал диссертации. Лу Бо справедливо отмечает, что коммуникативные единицы, которые не удовлетворяют ни одной грамматической модели классических русских предложений, единицы, выполняющие в акте коммуникации регулятивную функцию и выражающие большой диапазон модально-прагматических значений, получили крайне разнообразную и отнюдь не тождественную квалификацию в трудах русистов. Как нам кажется (это, впрочем, сказано в тексте диссертации, но не очень эксплицитно), что различие в терминах здесь во многом связаны с различием в смысловых и прагматических акцентах, определяемых самими авторами терминов. Так, часто встречающийся сегодня термин *коммуникативы* (см., например, работы И.А. Шаронова и его учеников) подчёркивает функциональную и прагматическую нацеленность единиц, термин *грамматические фразеологизмы*, используемый А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, обращает внимание на тесную связь изучаемых единиц с категорией фразеологизмов (в частности, их объединяет свойство семантической некомпозициональности), а термин *сентенсоиды* (автор термина И.И. Прибыток) выделяет, наоборот, грамматическую природу единиц, а именно их сходство с предложениями.

Методы, используемые в настоящей диссертации, достаточно разнообразны и продиктованы поставленной целью и решаемыми конкретными задачами. Это описательный метод с использованием элементов наблюдения и интерпретации изучаемых конструкций, это дискурсивный анализ, позволяющий выявить прагматическую природу экспрессивных синтаксических построений и их дискурсивные функции, и это, насколько я мог понять уже из текста самой диссертации, аналитический метод, позволяющий уточнить и обобщить результаты конкретных наблюдений за языковым поведением экспрессивных конструкций.

Материал исследования и жанрово, и тематически разнообразен. Его составили диалоги из ряда телевизионных программ, таких как «Модный приговор», «Наедине со всеми», «Вечерний Ургант», «Пусть говорят», «Прямой эфир», «Говорим и показываем», «Давай поженимся», которые звучали с экрана в период с 2012 по 2014 годы. В него входят также письменные диалоги, содержащиеся в современных художественных произведениях и стилизованные под живую разговорную речь, и те газетно-публицистические тексты, в которых широко использован приём диалогизации, и диалоги из кинофильмов. Анализировались в работе и отдельные примеры из «Национального корпуса русского языка», и блокнотные записи живой разговорной русской речи. Суммарно фактический материал составил порядка 4500 примеров, содержащих более 200 русских экспрессивных конструкций.

Отмечу, что для формирования общественного сознания и для общения с очень большой аудиторией такие каналы и средства коммуникации, как телевидение и кино, наряду с языком, имеют особое значение. В этой связи остаётся только пожалеть, что столь важная и обширная сфера диалогической речи, как Интернет, осталась за пределами внимания Лу Бо.

Попутно выскажу ещё одно соображение. Комплексный диалогический материал, который изучался в работе, представляет собой совокупность текстов, состоящих из единиц разных семиотических кодов, не только единиц языкового кода. Это изобразительные, слуховые и другие единицы, которые в устном диалоге сложным образом взаимодействуют с речевыми единицами и друг с

другом. Анализ экспрессивных разговорных синтаксических конструкций, несомненно, украсило бы – наряду с применением собственно лингвистического (функционального, концептуального, прагматического и т.д.) анализа текста – использование методов исследования текстов, разработанных в рамках общей и частной семиотики невербальных знаковых кодов. Я имею в виду, например, лингвопоэтический анализ синкретичных, или смешанных, то есть вербально-невербальных, реплик из телевизионных и кино- диалогов, предполагающий, среди прочего, изучение художественных приёмов, основанных на экспрессивных конструкциях, и их тестовых функций.

Лингвосемиотический подход к русским экспрессивным конструкциям, характерным для диалога, ставит перед исследователем ряд новых, интересных и весьма нетривиальных проблем. К ним относится, в частности, описание семантики, синтаксиса и прагматики вербальных, невербальных и смешанных реакций адресата диалогического сообщения на ту или иную экспрессивную конструкцию. Наконец, при лингвосемиотическом подходе актуальной и важной представляется задача построения типологии комплексных по своей знаковой природе экспрессивных конструкций в составе диалогов.

В любом случае внимание к невербальным компонентам, сопровождающим многие русский экспрессивные языковые единицы, способствовало бы более адекватному описанию этих единиц.

Вернусь к обсуждению текста диссертации.

В качестве предварительной гипотезы её автором было выдвинуто положение о том, что нечленимые экспрессивные синтаксические построения по-разному функционируют в живой разговорной русской речи и поэтому нуждаются в дифференциации. Эта гипотеза в ходе исследования подтвердилась, и Лу Бо предлагает функциональные критерии разграничения изучаемых конструкций.

Выделены три их разновидности, которые названы в работе *коммуникативами, метакоммуникативами и коммуникемами*.

Коммуникативы, выражая интенции говорящего, выполняют те или иные речеактовые функции, они обязательно предполагают или иллокутивно вынуждают соответствующую реакцию со стороны слушающего и могут сами выступать в роли ответных реплик. *Метакоммуникативы*, в отличие от коммуникативов, выполняют, прежде всего, метатекстовые функции и не имеют коммуникативной направленности на адресата, а *коммуникемы* экспрессивно выражают эмоции, не являются речевыми актами и не предполагают обязательной реакции со стороны адресата, которого в частном случае может вообще не быть.

Интегральными характеристиками всех трёх типов единиц является особенность их формирования, а именно, их формирование основано на десемантизированной, но полнозначной лексике; это также тесная связь всех этих единиц с контекстом и с разворачивающейся актуальной ситуацией. Далее, к интегральным характеристикам относятся наличие у всех единиц модусной составляющей семантик и принадлежность их к категории «отношение», хотя сам характер отношения для каждого из видов конструкций разный. Наконец, – в этом месте текста автор использует неудачные выражения, поэтому сформулирую мысль автора сам – все рассматриваемые единицы не являются типовыми предложениями и не являются номинативными единицами (номинатами).

Теперь скажу несколько слов о структуре диссертации. Она состоит из Введения, четырёх глав, Заключения и списка использованной литературы. Сразу отмечу ещё одно достоинство рецензируемой работы: она хорошо структурирована, её композиция логична и прозрачна, и язык работы в целом ясный и достаточно чёткий.

Я позволю себе далее не останавливаться подробно на содержании её разделов. Отмечу лишь основные положения и достижения диссертации.

В первой главе "Теоретические проблемы исследования экспрессивных синтаксических конструкций" отмечается, что экспрессия – это усиление выражаемых идей вместе с их выразительной и изобразительной подачей. Автор подробно анализирует разные подходы к понятию экспрессивности,

справедливо отделяя его и от эмоциональности, и от оценочности. Важно, что автор не просто разбирает содержание большого числа работ по интересующей его проблематике, но и умело выделяет в этих работах важные идеи, исследовательские установки и положения.

Диссертант подчёркивает, что как лингвистическая категория экспрессивность реализуется в языке и речи и формируется на базе совокупности признаков языковой или речевой единицы. Благодаря этим признакам говорящий (или пишущий) выражает субъективное отношение к содержанию или к адресату речи. Лу Бо особо отмечает, что характерной чертой русских экспрессивных синтаксических построений является их полифункциональность при выражении рациональных и эмоциональных смыслов.

Экспрессивные нечленимые синтаксические конструкции анализируются в диссертации с учётом семантики и контекстных условий их текстового воплощения. Утверждается, и с этим нельзя не согласиться, что синтаксическая экспрессивность создается не только стилистическими фигурами и тропами, но и многими другими средствами, в частности, процессами перестройки (в терминологии автора – переконструирования) исходных системных синтаксических конструкций с использованием междометий, частиц, местоимений или их сочетаний. Так, из двух высказываний *Он подлец!* и *Ну и подлец же он!* второе высказывание, инверсивное и семантически более богатое, оно обладает большей экспрессивностью, а потому и более сильной воздействующей функцией.

Важно, подчёркивает Лу Бо, что экспрессивность выделяет нечто (семантически или формально) на общем привычном языковом фоне. Напомню, что В.И. Шаховский давно писал, что экспрессивная коммуникация служит "специфическим выражением коммуникативно-прагматического намерения говорящих". В этой связи автор диссертации отмечает, что и В.Н. Шаронов (он всё же не В.Н., а Игорь Алексеевич! – Г.К.) к основным признакам нечленимых высказываний относит выражение «речевой интенции говорящего

и ментально-эмоционального отношения лица к предмету речи или к актуальной экстралингвистической ситуации»

Резюмируя теоретический экскурс в проблематику явлений экспрессии и экспрессивности, Лу Бо указывает, что основными признаками экспрессивных синтаксических высказываний, рассматриваемых в работе, являются, среди прочего, их многозначность, зависимость от конситуации; эмоциональность, ориентированность на сферу прагматических смыслов, изолированность синтаксической позиции и десемантизация компонентов. Здесь Лу Бо вполне уместно ссылается на работы по так называемым вторичным междометиям и коммуникативам И.А. Шаронова, учёного, далеко продвинувшегося в описании разного рода эмоциональных реакций человека, прежде всего, их фонетики, семантики и прагматики.

Помимо основных единиц, подлежащих анализу, в сферу внимания автора попадают и некоторые центральные понятия, связанные со сферой их функционирования. Это разговорная речь и диалог, иллокутивное вынуждение и прагматика диалогического текста, дискурсивная деятельность и речевой поступок и ещё многие другие.

В главе 2 "Функционально-семантическая и прагматическая характеристика коммуникативов" Лу Бо на конкретных примерах подтверждает наличие регулирующей речеактовой функции коммуникативов – тех единиц, категориальным значением которых является выражение отношения к содержанию реплики-стимула. Коммуникативы передают разнообразные коммуникативные значения: согласие и несогласие, безразличие и заинтересованность, они выражают определённые побуждения (директивы) и маркируют определённый перлокутивный эффект, который может оказаться как успешным, так и неуспешным. Разные модификации коммуникативов выражают разные смысловые оттенки и коннотации основных значений.

В том разделе данной главы, который посвящён репликам со значением согласия, изучаются разные по стилю и тематике диалоги с целью выявления в них характерных приёмов и техник выражения согласия. Проводится анализ

целого ряда высказываний, содержащих лексико-синтаксические единицы согласия

Согласие, как абсолютно верно пишет соискатель, имеет двоякую смысловую природу. Во-первых, это констатация правильности мнения собеседника и положительная оценка этого мнения как соответствующего действительности, это также выражение и подтверждение общности взглядов. Во-вторых, согласие – это положительная реакция на любое побуждение (на предложение, просьбу, приказ и т.д.). Оно всегда возникает в рамках двух высказываний, и типичный случай реализации согласия – это диалогическое единство вопросно-ответной формы диалогического дискурса.

Большую роль в реализации согласия, подтверждения и разрешения играют коммуникативы типа *А как же! А то! А то нет! Без вопросов! Вот-вот! Вот то-то и оно! (Ну) ладно! Делать нечего. Ещё бы! По рукам! Само собой! Так точно!* и др.

Мне не хватило здесь (и, замечу сразу, в случаях других коммуникативов) детального описания значения и употребления каких-нибудь клишированных единиц из числа изучаемых – так, как это принято в лучших современных семантических работах. Однако, и это надо отметить особо, автор диссертации весьма проницательно указывает на некоторые важные семантические и синтаксические характеристики рассматриваемых единиц, и эти характеристики, безусловно, должны быть как-то отражены в соответствующих семантических и синтаксических словарных репрезентациях (см. в этой связи стр. 45–51 диссертации).

Важно и выделение здесь автором отдельных семантических разновидностей согласия – вынужденного согласия, уверенного согласия, согласия с противоположной оценкой, иронического согласия, согласия с импликатурами, гендерных аспектов (выражение согласия *По рукам!* в норме принадлежит мужскому стилю речи – не «мужской речи», как пишет (замечу – неправильно) Лу Бо!).

Рассматривая коммуникатив *не то слово*, выражающий уверенное согласие, Лу Бо верно отмечает, что этот коммуникатив выражает согласие с

оценкой чего-либо или кого-либо в целом, но предложенная в реплике-стимуле оценка явления, состояния, качества или человека является, по мнению адресата, неточной – заниженной или завышенной. И здесь я бы заметил, что отрицание данной оценки тоже уверенное, что подтверждается типичным сопровождающим высказывание отрицательным жестом головы и даже – как вариант – корпуса.

Тонкие замечания по поводу значений или, чаще, употреблений коммуникативов разбросаны по всему тексту диссертации, который вообще читать весьма увлекательно. Содержатся они, конечно, и в разделах 2–4 второй главы, где разбираются, соответственно, экспрессивные построения с семантикой несогласия, безразличия и побуждения. А среди директивных коммуникативов на основании проведённого в диссертации анализа выделяются некоторые семантические подклассы: просьбы, запреты, советы, а также коммуникативы-успокаивания и коммуникативы-угрозы (стр. 79 – 85).

В третьей главе "Функционально-семантическая и прагматическая характеристика метакоммуникативов" (с. 86 – 106 диссертации) речь идёт о метатекстовых функциях экспрессивных синтаксических конструкциях, и те конструкции, для которых метатекстовая функция выделяется как основная, получили в диссертации название *метакоммуникативов*.

Метакоммуникативы, как пишет Лу Бо, "представляют собой разнообразные комбинации сочетаний частиц, наречий и союзов, передающие широкий диапазон коммуникативных намерений (интенций), в которых отражаются социокультурные, прагматические, психологические и другие факторы, определяющие характер речевых ситуаций" (с. 86). К метакоммуникативам Лу Бо относит синтаксические единицы *вот так, вот что, так вот, ну так вот, ну и вот, вот и всё, ну ладно*, отмечая, что они в большинстве коммуникативных ситуаций выполняют особые метатекстовые функции. Метатекстовая функция заключается в (1) комментировании и регулировании субъектом речи собственной речевой деятельности, в частности, указании на специфические особенности авторской мысли и её вербализации, или в (2) указании на соотношение данного высказывания с другими

высказываниями в составе коммуникативного акта – подведение итога, переход к другой теме и др. (с. 89).

Например, метакоммуникатив *Вот так*, занимая конечную позицию в реплике, выполняет функцию итоговой концовки, ср. *Эту книгу я читать не буду. Вот так!* А одна из важнейших функций метакоммуникатива *Так вот* заключается в том, что он помогает говорящему обозначить возврат к теме стимульной реплики – в случае некоего временного ускользания её в процессе диалогического взаимодействия. Ср. диалог

– *У неё завтра пятнадцать лет свадьбы.*

– *Да? Это юбилей?*

– *Так вот я и хотела спросить, какая это свадьба, фарфоровая или хрустальная?*

Последняя, четвёртая, глава диссертации – "Функционально-семантическая и прагматическая характеристика коммуникем" – посвящена еще одному классу экспрессивных синтаксических единиц, основная функция которых – это выражение эмоциональной реакции человека на окружающую его действительность. Цитирую здесь автора диссертации, устранив по ходу опечатки, пунктуационные погрешности и стилистически неряшливые обороты, встретившиеся нам в этом месте диссертации (с. 107) (скажу сразу, что таковых на такую объёмную работу – не много): "Экспрессивные синтаксические построения в живой русской речи, передающие различные эмоции говорящего, имеют свою формальную и семантическую специфику, но, самое главное, они отличаются от коммуникативов, рассмотренных в работе ранее, по своей прагматической направленности. Смысловым содержанием коммуникем – так мы будем их называть – является непосредственная экспрессивная оценивающая реакция на сделанное, сказанное, увиденное или услышанное".

Лу Бо справедливо отмечает, что у коммуникативов из класса коммуникем эмоциональный компонент значения является основным, вытесняя на второй план (а то и полностью заменяя) денотативное и сигнификативное значения единицы. Как ещё писали о таких единицах в своём

"Путеводителе по дискурсивным словам" А.Н. Баранов, В.А. Плунгян и Е.В. Рахилина, "при попытке вынуть их <эти слова – Г.К.> из контекста от их семантики ничего не остается» (с. 8 "Путеводителя").

Основной функциональный признак коммуникативным – это выражение эмоционального отношения говорящего к предмету речи или к актуальной ситуации, и именно этот признак отделяет коммуникативные от единиц двух других описанных в работе классов.

Как и в других главах диссертации, мы находим здесь много пронизательных и тонких наблюдений, проясняющих значения и употребления описываемых единиц. Отмечается, например, что экспрессивная единица *Вот это да!* выражает 'удивление с оттенком восхищения, восторга, одобрения' (с. 114), единица *Так вот оно что!* – сильное удивление, изумление, а единица *Вот так так*, наряду с эмоциональными значениями досадливого удивления и растерянности, передаёт рациональные идеи привлечения внимания адресата к получаемой информации и его заинтересованности в коммуникации (с. 117 – 121).

В Заключении подводятся итоги исследования функционально-семантических и прагматических функций экспрессивных синтаксических конструкций в русской живой разговорной речи. К сожалению, в этом разделе нет указания естественных лакун, которые всегда имеются в масштабных исследованиях. Не намечены и перспективы дальнейших работ по данной теме – перспективы, которые легко усматриваются при прочтении диссертации.

Подведу итог. Перед нами актуальное, теоретически значимое, практически ценное и стимулирующее исследование. В нём

– предложены оригинальные функционально-семантический и прагматический подходы к экспрессивным синтаксическим единицам русского языка

– формулируются, обосновываются и на эмпирическом материале проверяются утверждения, касающиеся функций, значения и употребления отдельных русских экспрессивных синтаксических единиц,

- описываются некоторые типовые паттерны их взаимодействия с контекстом в пределах диалога;
- применительно к проблематике диссертации результативно использованы методы и приёмы анализа, которые позволили автору диссертации достичь поставленной цели

Для лингвистов и, добавлю, специалистов в области семиотики, особый интерес представляет анализ различных характеристик языкового и, шире, семиотического пространства функционирования изученных единиц, описание их семантических и прагматических особенностей.

Результаты и выводы, представленные в диссертации, могут найти применение в теории и практике изучения коммуникативных единиц и коммуникативных жанров, в исследованиях по автоматической обработке текста. Они могут быть использованы в разных курсах синтаксиса и стилистики, теории диалога, семантики и лексикологии русского языка, а также в методических и научных разработках по корпусной лингвистике. Результаты работы найдут отражение в научных и учебных словарях, в учебниках, учебных и методических пособиях по разным разделам общего и русского синтаксиса, теории диалога, прагматики и др.

Отдельные замечания и соображения мы уже высказали по ходу отзыва. Подчеркну лишь ещё раз, что они никак не снижают общего благоприятного впечатления от рецензируемой работы.

Диссертация является всецело самостоятельной: соискатель отбирал и классифицировал исходные данные, проводил исследовательские эксперименты, прошёл апробацию полученных им результатов и выводов. Основные положения диссертации полностью отражены в автореферате и в публикациях автора, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Учитывая всё вышесказанное, можно заключить, что диссертация Лу Бо "РУССКИЕ ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ" является научно- квалификационной

работой, в которой содержится решение ряда задач, имеющих существенное значение для русского языкознания.

Диссертация соответствует требованиям пункта 9 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013, а её автор ЛУ БО заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 «Русский язык».

Профессор кафедры русского языка Института лингвистики
Российского государственного гуманитарного университета,
доктор филологических наук Григорий Ефимович Крейдлин
3 августа 2015 года

Гекр

ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Тел: +7 (495) 250-64-46
Email: gekr@iitp.ru

Подпись доктора филологических наук, профессора Григория Ефимовича
Крейдлина утверждаю

Учёный секретарь Л.В. Тропкина

